

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'271.16

Н.Д. Голев

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЫДЕННОГО
МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБСУЖДЕНИЯ
ВОПРОСОВ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Особенности русского национального метаязыкового сознания рассматриваются на материале высказываний рядовых носителей русского языка о самом языке, его изучении в школе и языковом строительстве. Более подробно анализируется обсуждение в Интернете вопроса об обязательном введении в русское письмо буквы Ё.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая личность, метаязыковое сознание, языковое строительство.

Автор данной статьи ранее уже неоднократно высказывал мысль о том, что обыденное метаязыковое сознание (набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях) является фундаментальной категорией, существенно влияющей на повседневную речевую практику, на преподавание языка в школе и вузе, на решение вопросов языкового строительства, на состояние ментальности в обществе и, наконец, опосредованно или прямо на саму науку о языке [1–8]. Еще раз отметим, что все перечисленные аспекты функционирования языка и его «прикладных выходов» обнаруживают теснейшую взаимодетерминацию (в разных направлениях), что позволяет говорить о метаязыковом сознании как крупном самостоятельном объекте лингвистического (и не только) изучения и, возможно, о самостоятельной лингвистической дисциплине – разделе лингвистической гносеологии. В указанных выше статьях мы обозначали ее терминами «обыденная лингвистика» [5, 8]; «обыденная металингвистика» [8], «наивная лингвистика» [7], «лингвистика метаязыкового сознания» [3], не настаивая на окончательной терминологизации определенных обозначений.

Непосредственным предметом исследования в настоящей статье выступает обыденное метаязыковое сознание, проявляющееся при обсуждении прикладных сфер языка и лингвистики, в частности вопросов, связанных со школьным курсом русского языка и языкового строительства. Выдвижение, обсуждение и принятие решений в этих областях самым существенным образом зависит от состояния лингвистических воззрений рядовых граждан. В значительной мере это происходит потому, что те, от кого зависит решение этих вопросов, сами являются носителями обыденного метаязыкового сознания, впитанного ими из школьного курса русского языка, из бытующих в нашем обществе представлений об устройстве русского языка и возможностях овладения им и его преобразования. В качестве исходного примера

возьмем высказывания о русском языке министра образования и науки Российской Федерации доктора физико-математических наук А.А. Фурсенко. Набрав в любой поисковой системе Рунета слова «Фурсенко» и «русский язык», легко находим искомое: высказывания министра обширно тиражируются в средствах массовой информации, ибо, согласно немецкой пословице, слова королей – это короли слов.

Выделим из этой массы высказывания А.А. Фурсенко о русском языке в системе ЕГЭ и подписанные им документы, официально закрепляющие обязательное использование буквы Ё. На первый взгляд это далеко отстоящие друг от друга области, но они органически связаны спецификой современного метаязыкового менталитета российского сообщества вообще и каждого его отдельного члена в частности.

Относительно первой области бросаются в глаза фразы типа: «С 2009 года в вузы **без знания русского языка** принимать не будут», – заявил сегодня министр образования и науки России Андрей Фурсенко во время заседания столичного правительства, на котором обсуждались вопросы образования в Москве; «Со следующего года никто **без знания русского языка** ни в один вуз не попадет», – сказал министр (Начало. 2008. 10 июня); «Вы знаете, специалисты по русскому языку, ну, такой человек, как Людмила Вербицкая, например, считает, что можно с помощью единого государственного экзамена проверить **знания русского языка**» (интервью радиостанции «Маяк» 24.01.2007). Проанализируем лишь выделенные словосочетания. Что значит «знание русского языка», «знания русского языка»?¹ Любой русскоязычный человек, независимо от того, учился он в школе или нет, **знает** русский язык, т. е. умеет им пользоваться. Понятно, министр имеет в виду **знания ПО русскому языку**, причем именно в их метаязыковом статусе, т. е. «русский язык» здесь синоним выражения «наука о русском языке» (и это отождествление онтологического и гносеологического смыслов не случайно, оно отражает бытие русского языка в школе). К «знаниям по русскому языку» примыкают и орфографические и пунктуационные умения, которые по своей исходной сути включены в область метаязыковых знаний, поскольку правила, через которые школьники осваивают русское правописание, носят в основном метаязыковой характер. Школьный курс русского языка насквозь метаязыковой. Всерьез задача научить пользоваться широчайшими языковыми возможностями во всех сферах жизни, которые предоставляет великий и могучий русский язык гражданам России (а это и есть практическое **знание русского языка**), по сути, не ставится перед школьным курсом словесности. И ЕГЭ с его орфографоцентризмом лишь усугубляет «языковую ситуацию» в школе, переводя все разнообразие возможностей русского языка на нижестоящие уровни, доступные проверке через тесты. Однако пожелания высокого начальства «проходят» в сознании россиян всех возрастов и сословий как правомерные: уже сложившаяся, устойчивая метаязыковая ментальность российских граждан воспринимает презумпции школьного курса и языкового образования как естественные и само собой разумеющиеся

¹ В теоретическом плане анализ словосочетаний «знание языка», «знания о языке» и т.п. проведен Н.Б. Лебедевой в статье [9].

ся и, соответственно, принимает новации, которые этим презумпциям не противоречат.

В связи со второй темой (буквой Ё) приведем следующий документ: «В соответствии с решениями Межведомственной комиссии по русскому языку, принятыми на выездном заседании в г. Иваново (протокол от 13 апреля 2007 г. № 6), направляю рекомендации по употреблению при написании имён собственных буквы ё. Приложение: на 2 л. Министр, председатель Межведомственной комиссии по русскому языку А.А. Фурсенко». Принятие этого документа хорошо показывает каналы воздействия обыденного метаязыкового сознания, которое этот документ, в сущности, и утвердил, поскольку явился своеобразным официальным откликом на большую общественную «метаязыковую кампанию» по поводу необходимости буквы Ё в русском письме. Эту кампанию возглавил член вышеназванной комиссии А.Т. Чумаков – инженер-энергетик (по вузовскому диплому), член Союза писателей России, редактор журнала «Народное образование», председатель Союза ёфикаторов России, автор книг «Два века русской буквы Ё: История и словарь» (в соавторстве с Е.В. Пчелóвым), «Ё в имени твоём», «Вместо ё печатать е – ошибка!»². В течение десяти последних лет мы были свидетелями активной пиар-кампании, направленной на то, чтобы факультативное использование буквы Ё, зафиксированное в действующих правилах русского правописания, отменить и объявить его повсеместно обязательным и, как следствие, отсутствию точек над Е придать статус ошибки.

В активе В.Т. Чумакова и его сторонников многочисленные выступления перед общественностью, публикации в СМИ, в том числе в Интернете, где открыт специализированный сайт «Буква Ё и проблемы её», обращения к депутатам Госдумы и письма в Администрацию Президента РФ, наконец, выступление на Международном конгрессе лингвистов-исследователей «Русский язык: исторические судьбы и современность» в 2007 г. в МГУ. Эти рекламные акции следует оценить как вполне эффективные. Результатом этой деятельности «ёфикаторов» стали обширные отклики в прессе и Интернете самого разного статуса и формы (стихи, эссе, собственные исследования, даже компьютерные программы³), внимание к «ёфикации» России некоторых политиков, ряд изданий (в их числе «Литературная газета») приняли букву ё к обязательному употреблению. Но, пожалуй, наиболее существенным достижением этой широкой рекламной акции стало официальное признание некоторых требований «ёфикаторов», особенно принятие приведенного выше документа Межведомственной комиссией и неожиданно благосклонное отношение к этим требованиям участников конгресса лингвистов-исследователей⁴. Последнее существенно для понимания тесной связи мета-

² Сведения взяты с главной страницы сайта В.Т. Чумакова «Буква Ё и проблемы её».

³ Например, один из сторонников создал компьютерную программу-ёфикатор, которая сама расставляет точки над Е в любом набранном на компьютере тексте.

⁴ Вот цитата из Интернета: «*Не скрывал своих эмоций в интервью ГРАМОТЕ.РУ главный «ёфикатор» России Виктор Трофимович Чумаков: О конгрессе у меня представление восторженное <...>. Мне удалось выступить на пленарном заседании. Это очень большая удача, потому что я человек совершенно из другого профсоюза, и тем не менее я выступил, и многим*

языкового сознания разных уровней, в том числе таких, казалось бы, отдаленных, как обыденный и научный уровни.

У такого приятия немало причин и следствий. В плане изучения природы обыденного метаязыкового сознания важны те моменты общественного обсуждения, стимулированные пиар-кампанией относительно буквы Ё, которые связаны с особенностями современного российского менталитета и в которых отражаются национальная специфика российского метаязыкового сознания.

Сама рекламная кампания вольно или невольно была построена с учетом российской ментальности, и отклики на призыв ввести обязательное употребление буквы показали ее специфику. Вот типовой отклик – фрагмент главной страницы одного из сайтов (<http://www.ru7th.info>), специально открытых для поддержки идеи «ёфикации» русского письма. *«Данный проект посвящён седьмой букве русского алфавита — букве Ё. Букве, которую так часто обижают не используя, заменяя на Е. А она, между тем, является одной из ярчайших букв русского языка, благодаря своим точкам и звуку, который она выражает. Она помогает в чтении, буква Е сливается с остальными, взгляд за неё не цепляется. То ли дело Ё... милая, тёплая, детская... Самая молодая буква в русском алфавите»*. Буква Ё часто представляется гонимой, несправедливо обижаемой (едва ли не треть сторонников, высказываясь в пользу обязательности буквы Ё, ратуют за справедливое отношение к ней). Мнение о склонности русских заступаться за обиженных уже стало общим местом в обсуждении вопроса о русской ментальности; неоднократно отмечалось гипертрофированное этическое отношение даже к тем явлениям, которые другими народами осознаются рационально-логически. Ср.: *«Практически единодушная поддержка буквы Ё участниками дискуссии стала для нас приятным сюрпризом. Есть надежда, что безвинно обиженная буква Ё все же вернется на страницы "взрослых" изданий, как вернулся некогда столь же безвинно лишённый всех прав твердый знак (ведь писали раньше объявления в под'ездах)»*, – подводит итоги дискуссии модератор сайта Gramota.ru. Помимо этического мотива, часто эксплуатируется мотив эстетический. «Ёфикаторы» щедро наделяют букву Ё субъективными эпитетами: *красивая, милая, молодая, гармоничная, трепетная, глазастая*. Разумеется, без аргументов. Не обходится и без попыток сакрализации и мистификации буквы Ё⁵. Не избежал данного мотива (вкуче с патристическим) и В. Чумаков, написавший в своем манифесте: *«Буква Ё уникальна, её нет в системах письма других народов. Она стоит в алфавите под сакральным числом 7. И не поэтому ли она так часто звучит в гнезде слов, объединённых святым понятием "семья": жёнушка, муженёк, тётушка, тёща, зятёк, куманёк, сестрёнка?»*.

мое выступление, как говорят, понравилось». Автор был свидетелем этого выступления и реакции на него и полагает, что у В. Чумакова были основания для такой оценки.

⁵ Так, один из участников дискуссии на сайте Gramota.ru, представившийся архитектором, прислал большое изыскание, исходный тезис которого – *«в Библии текстом русского (? – Н.Г.) алфавита зашифрован эскиз пирамиды Хеопса»*, выходной тезис – *«буква Ё, как и все остальные буквы русского алфавита в 33 знака, запрограммированы Высшим Разумом и ОН здесь и сейчас»*.

В ряде наших исследований русского обыденного метаязыкового сознания мы отмечали потребность русского сознания при принятии решений в идейных и идеологических мотивах; в обсуждении судьбы буквы Ё это проявилось в полной мере. Особенно часто звучит патриотический мотив. Поклонники буквы Ё охотно совмещают патриотизм с русской историей, упоминают славные имена из прошлого, начиная с княгини Дашковой и историка и писателя Карамзина. *«Больше всего главу региона (Ульяновской области. – Н.Г.) возмутило пренебрежительное отношение чиновников к русской букве Ё. Во многих документах областного правительства вместо неё почему-то стояла «е». Это губернатору и не понравилось, ведь «глазастую» букву Ё придумал ульяновец Карамзин. В связи с этим в городе даже памятник «Ё» поставили. А чиновники букву Ё не уважают, значит, не уважают знаменитого земляка, да и вообще весь русский язык».* Среди факторов притяжения идей «ёфикаторов» российским обществом вполне естественно уживается и прямо противоположный фактор: многие сторонники буквы Ё активно позиционируют себя как новаторы (даже если указывается, что буква имеет давнюю историю, подчеркивается то, что она **возрождается**); русское обыденное сознанием склонно к революционным лозунгам, сочувствует их проводникам. Удивительным образом, мощный набор гуманитарных аргументов такого же рода мы обнаружили, исследуя вопрос о мотивации орфографической деятельности [1]. Подобного рода идеологизация не требует особых логических аргументов, она близка призывам к единомышленникам. Внушение в них часто явно доминирует над убеждением. *«Если Вы любите и цените русский язык, если правильность (так в источнике) написания для Вас важна, этот ресурс создан для Вас»*, – читаем на главной странице одного сайта. Мы выбрали этот текст для иллюстрации из-за слова «правильность» – эта ценность очень многими участниками дискуссий декларируется как неоспоримая и не требующая дефиниций, хотя понимается по-разному. Главное, чтобы аргументация завершалась резюме – «так правильно», а коли так, то ее можно закреплять законодательным путем.

Противники «ёфикации» в своем значительном числе более рационалисты и прагматики. В их доводах широко представлена логика, апелляция к удобству-неудобству букв Е и Ё, они часто наблюдательны и находят примеры и доводы, выстраивая хотя бы внешнюю систему аргументации. Нельзя сказать, что они более сдержанны, но проявление эмоций у них носит другой характер. В дискуссиях многие из них склонны к иронии, ерничеству по отношению к оппонентам и эпатажу. Типичное высказывание такого скептика: *«Буква Ё – результат произвола одного человека, Николая Михайловича Карамзина. Публикуя свои статьи в журналах, Карамзин ради внешнего эффекта (или как бы сейчас выразились "для понта") в 1797 г. применил в русскоязычном тексте европейский умлаут, латинскую "е" с двумя точками»* (<http://nesusvet.narod.ru/txt/yo>). В общем, «метаязыковая сцена» борьбы за букву Ё и против нее напоминает противостояние двух театров: театра Станиславского и театра Брехта⁶. Мы неоднократно отмечали склонность

⁶ Эта «сцена», похоже, универсальна: помимо уже упомянутой орфографии, она легко обнаруживается в сфере мотивации, фонологии, преподавания русского языка в школе и вузе и

русского метаязыкового сознания к интуитивистскому пониманию сути вещи, которая извлекается из внешних по отношению к этим вещам оснований, отражаемым в них. Это же наблюдается и в обыденном правосознании, где отражательная концепция (этическая, социальная, экономическая) является ментальной базой так называемого естественного права; см., например, [11]).

Система аргументации участников обсуждения в большинстве выступлений не базируется на собственно научных презумпциях, что само по себе естественно для обыденного сознания, как раз и противопоставляемого научному. Тем не менее в той или иной мере она представлена в виде частных наблюдений за функционированием языка вообще, письма и буквы Ё в частности. Характерны для участников дискуссии указания на какие-то единичные факты, в обсуждении широко представлены отдельные примеры коммуникативных неудач (нередко мнимых), отсылки на конкретных людей (особенно часто – на личный опыт). *«Начиная с 4-летнего возраста, когда я еще каракулями писала письма бабушке и никогда не слышала о дискуссиях по поводу буквы Ё, я писала её всегда! Пишу и сейчас! И ставлю над ней огромные точки, чтобы они были всем видны! Я журналист, и в разные инстанции отправляю свои статьи исключительно с буквой Ё».*

Как всегда, в обсуждениях сложных вопросов с участием непрофессионалов легко обнаруживается факт неосознания ими своей некомпетентности и необъективности и в силу этого объективной неправомерности многих их лингвистических суждений. Общественные дискуссии о лингвистике дают немало поводов для утверждения о том, что не только медицина и педагогика являются науками, «в которых разбирается каждый», но и лингвистика: язык же знают все! (здесь уместно вернуться к началу статьи, где обсуждается вопрос о смысле словосочетания *«знать русский язык»* в обыденном метаязыковом сознании). Но одновременно мы наблюдаем в таких дискуссиях и стихийные попытки вырваться за границы обыденности и вступить в познание, обладающее некоторыми признаками научности, прежде всего это попытки отвлечься от уровня единичного и придать наблюдаемым фактам характер **обобщения**. В реализации этих попыток имеет место громадный диапазон лингвогносеологических действий и их продуктов, находящихся между научностью, псевдонаучностью, лженаучностью и другими проявлениями околонучного познания. Очерченная область – особый предмет исследования, пока еще мало затронутый лингвистической гносеологией. Многие околонучные явления пока недифференцированы (и не только в лингвистической гносеологии). Можно предложить, например, такие смыслы, которые могли бы различить псевдонауку и лженауку: первая квалифицируется в основном по методам и качеству результата (и отчасти по форме выражения, имитирующей научный стиль), вторая включает и целевые установки. Слабо разработаны в этом ключе явления типа рекламы с ее склонно-

даже в самой лингвистике. Этот ряд легко продолжить и за пределами лингвистики: его проявления находятся в праве (что отмечено нами выше). Как выясняется, люди определенных ментально-психологических типов тяготеют к определенным политическим идеям; таковы, например, либералы и республиканцы [10]).

стью к научной форме подачи информации, выступающей в качестве инструмента суггестивного воздействия, народной медицины и т.п. Большой интерес для структурирования околонаучного пространства представляют и вещи вполне достойные и серьезные: научно-популярная литература, школьные учебники, в которых «научность» также преломляется специфическим образом; на крайних полюсах такого преломления (упрощения) иногда уже можно говорить, употребляя приставку *«псевдо»*. Некоторые аспекты такого рода смежных с наукой видов деятельности проанализированы Э.В. Колесниковой в статье [12].

В числе стихийных выходов участников обсуждения в Интернете в околонаучно-лингвистическое пространство можно назвать обобщения, строящиеся на умозаключениях с привлечением подобных явлений (так, например, буква Ё участниками дискуссии иногда сравнивается с буквой Й, также имеющей надстрочный знак), нередки выходы за пределы русского языка и сравнение с фактами других языков (термин «умлаут» в дискуссиях достаточно частотен). Имеются примеры, когда участники обращаются к лингвистической литературе, преимущественно словарям, справочникам, учебникам, иногда к научным статьям (чаще всего выставленным на сайтах Рунета и найденным по его поисковым системам). Такая апелляция, будучи несистемной, малоубедительна для профессионального лингвиста, но вполне суггестивна для многих участников обсуждения вопросов языкового строительства. В качестве иллюстрации укажем на мнение участника, обозначившего себя ником tsa, обратившегося к первоисточнику – Правилам 1956 года, легитимизирующим факультативное употребление буквы Ё. Приведем рекомендацию Правил, tsa вывел из них «нужный» для него тезис: *«Легко заметить, что здесь нигде нет РАЗРЕШЕНИЯ писать Е вместо Ё. Более того, внимательно читая пункт 1, можно сделать вывод: непроставление точек над Ё является грубым нарушением "Правил" во ВСЕХ случаях, так как может привести к "неверному чтению и пониманию слова". Поэтому использование Е вместо Ё ВСЕГДА является ошибкой»*. Ничего подобного из Правил 1956 года не вытекает, и некоторые участники дискуссии указали на это.

Из таких обобщающих метаязыковых рефлексий наибольшей частотностью и, нужно полагать, убеждающей для массового адресата силой обладает мнение, сводящее письмо к поверхностным функциям. В основном их три. Во-первых, это функция **передачи звучащей речи**, в частности дифференциации звуков и/или фонем (заметим, что термин *«фонема»* отнюдь не раритет в лингвистических дискуссиях рядовых носителей языка). Во-вторых, **смыслоразличительная** функция, которая заключается в основном в дифференциации омонимичных смыслов. Школьная логика, по которой необходимость пунктуации в области смысла сводится к одной фразе *«помиловать нельзя казнить»*, работает и здесь: участники дискуссии мучительно ищут примеры, в которых наличие точек над Е «побеждает» омонимию (ситуация проанализирована нами в статье [2]. *«Любой графический знак – суть отражение живого звука речи и подчинён законам – фонетическим, фонологическим – русского языка. То же можно сказать о букве «ё». Употребление этой буквы имеет смыслоразличительное значение. В качестве примера очень часто и справедливо приводят слова «совершенный – совершённый», –*

читаем мы в Манифесте В. Чумакова. Наиболее часто называются примеры омографов *все* и *всё*, *узнаем* и *узнаём*, *небо* и *нёбо*, *ведро* и *вёдро*. Гораздо сложнее у сторонников «ёфикации» с примерами речевых произведений, непосредственно включенных в коммуникативную ситуацию. Так, В. Чумаков нашел в Новогоднем обращении президента В.В. Путина слово *все* без точек над Е («*Мы все должны сделать...*»), широко его растиражировал как пример двусмысленности на официальном уровне. Тот момент, что приводится лишь отрывок контекста, скорее всего, говорит о том, что усечение контекста сделано осознанно. В. Чумаков догадывается, что в реальном контексте никому бы и в голову не пришло понять смысл «*мы всё должны сделать...*» как «*мы должны все сделать*», хотя бы потому, что глагол *сделать* переходный и требует обязательного указания на объект, которым в данной фразе может быть только *всё*, независимо от наличия или отсутствия точек над Е. Процесс понимания следует за смысловой структурой всей фразы, а не выводит смысл по элементам.

Наконец, в-третьих. При обсуждении проблемы «ёфикации» нередко фигурирует **прагматический** фактор. Обычно он представляется в его утилитарной (механической) ипостаси в связи с вопросом – затруднительно ли при письме ставить точки над Е, не требует ли это повышенных усилий? «*Если раньше противники Ё ссылались на экономические трудности, то сейчас компьютер выступает в споре "быть или не быть букве Ё" третьей стороной. Уже есть грамотная и удобная программа ёфикации текста*», – легко разбивает доводы прагматиков-скептиков прагматик-идеалист В.Т. Чумаков. Наверное, в техническом плане полная «ёфикация» русских текстов (особенно нового поколения) вполне осуществима, но вопрос не в «возможно», а в «нужно». А здесь аргументация не может ограничиться отсылкой на отдельные примеры коммуникативных неудач, связанных с употреблением буквы Ё. Крайне редко (в основном в стане ироничных скептиков) актуализируется фактор традиции и вытекающий из него фактор условности письменного кода по отношению к звучанию. Условность как коммуникативная ценность остается практически не замечаемой обыденным метаязыковым сознанием. «*И что за фанатичная такая любовь к букве Ё? Вы можете рассуждать как угодно. Но есть традиция письма, и она такая, что Ё – факультативная. И вы можете с пеной у рта доказывать, что ее надо втыкать везде, но писать будут, как всегда писали. И это хорошо и правильно. Если вам так хочется ее везде писать, то пишите, пожалуйста. Это тоже не возбраняется, но чё вы всем ее навязываете?*» Мы полагаем, что за эмоциональной и не слишком корректной формой этого метаязыкового суждения стоит весьма значимый коммуникативный аргумент.

Глубинный, системный уровень аргументации оказывается практически недоступным рядовым участниками дискуссии (исключения лишь подтверждают правило). Мы говорим о незамечании тех закономерностей, которые невидимы поверхностному взору, недоступны простой интуиции и сознанию, вооруженному лишь школьными знаниями и мифологическими пред-

ставлениями о природе языка⁷. Но функционирование языка управляется именно «из глубины», видение его сути шлифуется образованием, знанием прежнего лингвистического опыта и собственным исследовательским опытом. Единичные явления такой опыт ставит в систему, он не позволяет первичные причины назвать конечным результатом познания следствий, но направляет поиск на выявление причин второго порядка («причин причин») и т.д. К примеру, то обстоятельство, что язык конечным числом субстанциональных элементов выражает бесконечное количество звуковых нюансов и смыслов и что соответствие этой бесконечности вовсе не идеал, к которому стремится язык, остается вне поля зрения наивного лингвиста, не осознается им. Ему трудно представить внутреннюю «логику» языка, в соответствии с которой простое увеличение в языке субстанциональных элементов (равно как и простое их уменьшение) не обязательно означает усовершенствование языка (и письма как его частного случая), ему сложно понять, что естественный язык сам вырабатывает меру в противостоянии тенденций к увеличению знаков и уменьшению их, что эта мера не дана априори, а может быть понята только долгим и серьезным изучением языковой стихии, явно устроенной по антиномическому принципу, противостоящему простой логике. В настоящей статье мы не намерены содержательно обсуждать поднимаемые рядовыми носителями языка вопросы его функционирования и тем более вступать с ними в спор, доказывая, что апелляция к названным выше факторам не может сама по себе обосновать необходимость обязательного употребления буквы Ё. Это предмет другой научной дискуссии и другой статьи, в которой оппонентами должны выступать профессиональные лингвисты. Лингвистической гносеологии как научной дисциплине интересны и важны представления о языке непрофессионалов – физика А.А. Фурсенко, инженера В.Т. Чумакова, математика А.Т. Фоменко (см. анализ и резкую отповедь его попыткам имитировать и профанировать серьезную науку в [14]), писателя-сатирика М.Н. Задорнова, чьи наивно-лингвистические штудии еще ждут своего исследователя, равно как и многочисленных, в том числе безымянных авторов различных суждений о языке в разнообразных источниках.

Подчеркнем следующее. Отсутствие ощущения стихийными лингвистами границ своих познавательных возможностей нельзя абсолютизировать. Вот монолог одного ответственно рефлектирующего участника: *«И ещё. А вот как-то во всех наших дискуссиях не слышен голос специалистов филологов. Или их нет в редколлегии сайта? Или они считают ниже своего достоинства высказываться по таким пустячным проблемам? Или итог дискуссии, приведенный модератором, и есть это самое мнение специалиста?»* (ГРАМОТА. РУ). При актуализации таких требований мы должны перейти к одному из важных аспектов проблемы соотношения научного и обыденного сознания – воздействию первого на второе как важнейшему способу повышения лингвистической культуры общества в целом. В этом вопросе лингвистика не должна быть замком из слоновой кости, в котором обитают избранные. Поднять лингвистическую культуру – значит поддержать ту внут-

⁷ Проявления лингвистической мифологии в метаязыковом сознании юристов проанализированы Н.Б. Лебедевой в статье [13].

ренную тенденцию обыденного метаязыкового сознания, которую выражает стремление носителей языка (пусть отдельных) к преодолению обыденности. Можно, конечно, понять неучастие профессиональных лингвистов в такого рода дискуссиях. Опровергать, «ставить на место» «научного обывателя» – занятие неблагодарное, а в каких-то аспектах и вредное, поскольку подчас это означает своеобразную легитимизацию «научной графомании» и демагогии. Тем не менее мы имеем такую обыденную и научную лингвистическую ментальность, какую имеем, поэтому ее изучение, к которому мы призываем, имеет не только абстрактно-теоретическую значимость, но значимость общественную.

Эта значимость многократно увеличивается, если мы вступаем в диалог не с рядовыми (в социальном смысле) носителями русского языка, а с высокопоставленными. В связи с этим вернемся к тезисам, высказанным в начале статьи, и зададимся вопросом, почему проблемы языкового строительства переданы в ведомство Министерства **образования и науки**. То, что вопросы, связанные с русским языком, трактуются в первую очередь как образовательные, это понятно, поскольку соответствуют базовым презумпциям обыденного сознания. «Школьноцентризм» обыденной лингвистики синонимизирует выражения «*владеть языком*» и «*овладевать языком*» (в смысле «овладевать знаниями о языке») и тем самым увязывает русский язык со школьными знаниями, а последние – со школьным курсом орфографии.

Приказ Министерства образования и науки РФ о создании межведомственной комиссии по русскому языку от 2 декабря 2004 г. № 124, подписанный А.А. Фурсенко, начинается следующей преамбулой: «*В целях развития, распространения и сохранения чистоты русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения приказываю...*». На наш взгляд, модус этой преамбулы несколько отличается от того, что предписывает данной Комиссии постановление Правительства РФ, подписанное М. Фрадковым. Предписано обеспечить **правовое функционирование** русского языка в качестве государственного. Комиссия понимает свое предназначение более расширительно. В преамбуле приказа Комиссии используется традиционная идеолого-политико-публицистическая риторика, призывающая бороться за чистоту и распространение русского языка во всех сферах его функционирования, а не только одной юридической. Такая идеологизация – характерная для российского общественного менталитета черта. Так, в свое время был идеологизирован Проект Федерального закона о русском языке, по поводу чего 6 июля 2002 г. в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина президент ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, акад. РАО В.Г. Костомаров сказал следующее: «*...в предлагаемом проекте есть два совершенно разных, качественно разных объекта законодательного регулирования. Первый – это функциональный, а второй – это то, что юристы называют корпусный. Что касается функциональной стороны, то здесь законодательно все очень легко сделать. Мы можем сказать: судье можно использовать только русский язык. Мы можем сказать, что нельзя получить российское гражданство, не сдав экзамен по русскому языку. И так далее, и так далее. Мы можем сказать, что государство наше, если*

оно хочет себя хорошо поставить на международной арене, должно заниматься, как французы это делают, сознательным экспортом своего языка и своей культуры и т. д. А вот корпусная сторона, т. е. внутреннее развитие – прогресс, регресс самого языка, – она зависит не от законов общества, а от внутренних законов развития – вообще языков или данного языка. Насколько эти законы подвержены сознательному регулированию человеком или обществом? Вопрос открытый, на него есть много разных ответов». Как видим, лингвисты готовы согласиться с тем, что вопрос о чистоте русского языка, его порче и совершенствовании неясный и открытый, что сами слова типа «чистота», «порча», «улучшение», «прогресс» по отношению к языку не являются терминами, они не определены однозначно в науке, но для метаязыкового сознания рядовых носителей русского языка их смысл предельно ясен: язык рукотворен, им можно руководить через разного рода постановления (желательно запретительного свойства), «порча» – это то, что мне (и моему соседу) не нравится, и т.п. Такой менталитет и находит отражение в официальных документах, которые предстают в силу этого продолжением массового общественного сознания, но отнюдь не научного.

Отсюда во многом становится понятно, почему сугубо юридический феномен – государственный язык – оказался в ведении Министерства образования и науки. Что касается компонента «образование», то – отметим еще раз – увязка русского языка со школой обыкновенна для «обыденной социолингвистики», поэтому с научной, объективистской, точки зрения этому удивляться не приходится. Но и к административному руководству наукой как обязанности министерства забота о чистоте русского языка, кажется, никак не должна относиться. Это, скорее, относится к ведению Министерства культуры, поскольку речь в «корпусной части» рассматриваемых законов идет о речевой культуре⁸. Для реализации собственно научного подхода к проблеме нужно было бы организовать **исследование** объективных законов функционирования языка в разных сферах, теоретическую разработку понятий типа «чистота и порча языка» и уже на этой основе, **если будет обоснована необходимость и возможность «чистки»**, разрабатывать законы, регламентирующие функционирование тех или иных участков языка. Но министерству и комиссии эти вещи не кажутся предметом научных изысканий. По-видимому, они представляются им само собой разумеющимися вещами, не нуждающимися в научном обосновании, комиссия априори знает, почему, зачем и как нужно улучшать язык и что означает улучшение. Не приходится удивляться в связи со сказанным, что в составе комиссии, готовившей вышеназванный проект Закона о русском языке, было очень мало профессиональных лингвистов. Ведь, по логике обыденного метаязыкового сознания,

⁸ «МОСКВА, 9 июля. /ИТАР-ТАСС/. Министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов высказался за использование буквы Ё в письменной речи. Об этом он заявил сегодня в эфире радиостанции «Маяк». «Я за то, чтобы она вернулась», – отметил он. «К русскому языку надо относиться более трепетно. Его оттенками и нюансами мы не должны пренебрегать», – сказал министр, заметив, что он букву «Ё» «всегда пишет». Как видим, и здесь эстетическая и этическая презумпции доминируют над правовой и научно-объективистской. А поскольку А. Соколов являлся еще и министром массовых коммуникаций, то такие презумпции шли в массы без особых задержек.

русский язык «знают» все! И все они знают о нем все! (автор надеется, что даже «ёфикаторы» не смешают здесь смыслы написаний *все* во всех случаях без точек).

Начиная эту статью, ее автор ставил перед собой задачу оставаться в пределах научно-объективистского модуса. Это, похоже, не удалось в полной мере. Для того чтобы оставаться в рамках беспристрастной науки о национальном метаязыковом менталитете, еще нет твердой почвы – нет понятийно-терминологического аппарата, методологии и методики, достаточного числа прецедентных исследований. Однако нет сомнения, что все это должно быть создано. Иначе есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки (что, конечно, не всегда имеет отрицательный смысл⁹), пользуясь ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и заказами политиков. Вовсе не тихие аплодисменты главному «ёфикатору» России на Московском конгрессе лингвистов-исследователей и его восторг по этому поводу – сигналы такой опасности. Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка, в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться. Все эти обстоятельства и обосновывают необходимость выделения специальной научной дисциплины – наивной (обыденной) лингвистической гносеологии. Таким образом, мы вернулись к аспекту проблемы, актуализированному в исходном фрагменте настоящей статьи.

Литература

1. Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Т.И. Стекловой. Новосибирск, 1999. С. 97–107.
2. Голев Н.Д. Коммуникативная орфография русского языка (на примере неразличения на письме букв Е и Ё) // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2000. С. 47–53.
3. Голев Н.Д. Лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул, 2008. С. 7–13.
4. Голев Н.Д. Лингвоперсоналогические аспекты русского метаязыкового сознания // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 342–353.

⁹ Ср.: «Наивная наука – «наивная физика», «наивная химия», «наивная математика» – относительно новые научные направления, которые, по мнению специалистов, позволяют намного расширить возможности современных компьютеров. Человек, как известно, играя в мяч, не решает дифференциальных уравнений, чтобы определить траекторию его полета. Он пользуется так называемой наивной, или качественной, физикой, основанной не на формулах, а на правилах» [15].

5. *Голев Н.Д.* Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 338–348.
6. *Голев Н.Д.* «Орфографическая реформа» как зеркало российской ментальности // Вестн. Том. гос. ун-та. Бюл. оперативной научной информации. 2006. № 123. С. 100–110.
7. *Голев Н.Д.* Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвуз. сб. науч. ст. Кемерово; Барнаул, 2008. С. 19–30.
8. *Голев Н.Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. М., 2005. С. 172–187.
9. *Лебедева Н.Б.* Структура языкового сознания // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты. Вып. 1. Кемерово, 2006. С. 49–54. (Материалы I Международной научной конференции).
10. *Стуруа М.* Чем отличается мозг республиканца от мозга демократа? // Известия. 2004. 16 сент.
11. *Голев Н.Д.* От редактора: Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Русский язык как феномен правовой коммуникации: Межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 2006. С. 8–38.
12. *Колесникова Э.В.* Наивная лингвистика и наивная риторика // К проблеме исследования и описания // Филологические науки в МГИМО. 2002. Вып. 11. С. 120–130.
13. *Лебедева Н.Б.* О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000. С. 56–72.
14. *Зализняк А.А.* Лингвистика по А.Т. Фоменко // История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2001. С. 18–75.
15. Энциклопедия чудес, загадок и тайн / Ред. М. Голубев. М., 2004.